

УДК 347.91/.95

КОНСТРУКЦИЯ «ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» В ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

*И. В. Рехтина**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

Исследуется место конструкции «правовая определенность» в понятийно-категориальном аппарате гражданского процессуального права России. Анализируются сложности толкования и применения категории «правовая определенность», обусловленные относительной новизной использования в терминологическом обороте данного понятия, которое введено в активный терминологический оборот в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и вынесением в отношении России многочисленных постановлений Европейского суда по правам человека. Автор предлагает выделить три самостоятельные формы восприятия и существования в российской действительности новых процессуально-правовых явлений: 1) нормативную (законодательную) форму; 2) ненормативную (судебную) форму; 3) доктринальную форму. Опираясь на исследование нормативно-правовой базы, правоприменительной практики, конструкция «правовая определенность» отнесена ко второй группе. Сегодня эта конструкция не имеет законодательного закрепления, однако ее толкование и трактовка содержится в судебной практике: судебных постановлениях и решениях, как правило, высших судебных инстанций.

Ключевые слова: правовая определенность, гражданское процессуальное право, понятийно-категориальный аппарат, судебная практика, Европейский суд по правам человека, правоприменение.

THE CONSTRUCTION OF "LEGAL CERTAINTY" IN THE CONCEPTUAL-CATEGORICAL APPARATUS OF CIVIL PROCEDURAL LAW OF RUSSIA

*I. V. Rekhtina,**Altai State University (Barnaul, Russia)*

The article explores the place of construction "legal certainty" in the conceptual-categorical apparatus of civil procedure law of Russia. The author analyzes the difficulties of interpretation and application of the category of "legal certainty" due to the relative novelty of the use of this concept in terminological circulation, which was put into active terminological circulation in connection with the ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the adoption of numerous rulings of the European Court of Rights in relation to Russia person. The author suggests identifying three independent forms of perception and the existence in Russia of new procedural and legal phenomena: 1) a normative (legislative) form; 2) non-normative (judicial) form; 3) doctrinal form. Based on the study of the regulatory framework, law enforcement practice, the construction of "legal certainty" is assigned to the second group. Since at the moment there is no legislative consolidation, however, its interpretation and interpretation is contained in judicial practice: court decisions and decisions, as a rule, of the highest judicial instances.

Keywords: legal certainty, civil procedural law, conceptual and categorical apparatus, judicial practice, European Court of Human Rights, law enforcement.

Понятийно-категориальный аппарат конкретной отрасли права, в том числе гражданского процессуального права, является критерием ее самостоятельности в системе национального права. Представляя собой динамичное явление, терминологическая основа отрасли права находится в состоянии постоянного преобразования и обновления под влиянием различных факторов [1, с. 23].

С момента ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и признания юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) данный международный договор и постановления ЕСПЧ стали катализатором обновления всего российского законодательства и оказывают воздействие на различные области национального права, включая сектор процессуальных отраслей права [2, с. 22]. Понятийно-категориальный аппарат отрасли гражданского процессуального права, включая законодательство и судебную практику, является ярким подтверждением этого воздействия.

Анализ реципированных терминов и понятий после ратификации в 1998 г. Европейской конвенции свидетельствует о существенном обогащении терминологической основы гражданского процессуального права за счет включения новых, не используемых ранее или используемых в ограниченном формате, терминов, категорий, понятий [3, с. 22]. Данным обстоятельством подтверждается факт бурного развития гражданского процессуального законодательства России, мониторинг которого позволяет выделить три относительно самостоятельные *формы* восприятия и существования в российской действительности новых процессуально-правовых явлений:

- 1) *нормативная (законодательная) форма*, в рамках которой новые понятия и термины закреплены в действующем законодательстве и различных правовых актах;
- 2) *ненормативная (судебная) форма*, отражающая использование новых категорий в судебной практике: судебных постановлениях и решениях, как правило, высших судебных инстанций;
- 3) *доктринальная форма*, свидетельствующая об употреблении новых терминов в научном обороте, научно-исследовательских трудах, публикациях, изданиях.

Примерами нормативной формы закрепления новых категорий и явлений являются понятия: «разумный срок», «компенсация за нарушение права на справедливое судебное разбирательство», «процедура медиации».

В судебной практике нашли отражение распространенные в законодательстве государств Европейского Союза правовые феномены, которые суды всех звеньев судебной системы России употребляют в связи с ратификацией Европейской конвенции: «эффективное средство правовой защиты», «приемлемость жалобы», «правовая позиция Европейского суда», «окончателность судебного постановления», «меры индивидуального (individual) и общего (general) характера», «соразмерность меры, ограничивающей право» и др.

В самой обширной доктринальной форме используются разнообразные гражданские процессуальные термины и понятия, не известные ранее гражданскому процессуальному праву России, но использование которых является целесообразным и оправданным в условиях правовой интеграции. Такими категориями, например, являются «критерии приемлемости жалоб (заявлений)» [4, с. 43], «статус жертвы» [5, с. 227] и др.

Развитие национального права способствует трансформации формы использования новых категорий и предполагает «переход» термина из доктринальной и ненормативной (судебной) форм в нормативную (законодательную). Подобным образом такие понятия, как «принцип правовой определенности (res judicata)», «меры индивидуального (individual) и общего (general) характера», «правовая позиция Европейского суда» и др., первоначально употребляемые исключительно в российской правовой доктрине (доктринальной форме), будучи поименованными в официальных актах судов высшего уровня, «перекочевали» в ненормативную (судебную) форму.

Анализируя форму восприятия в гражданском процессуальном праве категории «правовая определенность», можно заключить, что данное явление относится ко второй группе, имея ненормативную (судебную) форму закрепления, когда содержание понятия раскрывается в судебной практике, как правило, в постановлениях судов высших судебных инстанций [6, с. 51], а именно: в постановлениях ЕСПЧ, постановлениях Конституционного суда РФ (далее — КС РФ), Верховного суда РФ (далее — ВС РФ).

В постановлении ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная против России» (*Pravednaya vs. Russia*) (жалоба № 69529/01) дается толкование категории «правовая определенность» как свойства судебного акта, предполагающего устойчивость, стабильность судебных постановлений, вступивших в законную силу, уважение правила *res judicata*, в связи с чем основное бремя пересмотра должно ложиться на ординарные судебные инстанции, а закрепление в законе экстраординарных способов обжалования и (потенциально) проверки требует соблюдения ряда условий: создания специальной процедуры пересмотра, зависящей не только от обращения заинтересованных лиц; закрепления ограниченного перечня оснований для отмены вступившего в законную силу судебного акта; наличия пресекательных сроков, в течение которых может быть инициирована проверка; устранения многоинстанционной и неоднократной возможности проверки судебных актов.

На национальном уровне КС РФ разделяет позицию ЕСПЧ относительно толкования правовой определенности, сохраняя преемственность в данном вопросе. При этом придерживается плюралистического подхода при определении понятия «правовая определенность», толкуя и применяя его в разнообразных качествах: принцип права, свойство права, критерий правовой нормы и поведения, качество судебного постановления, требование к правовой норме и судебному постановлению, критерий окончательности судебного акта.

Так, Конституционный суд РФ в Постановлении от 06.07.2018 № 29-П подчеркнул, что возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов, будучи исключительной по своему характеру, предполагает установление таких процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы решений суда, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть преодолено, лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба.

В другом Постановлении от 10.07.2018 № 30-П КС РФ подчеркнул конституционную природу принципа правовой определенности и указал, что принцип правовой определенности, равно как и принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, вытекающие из норм Конституции РФ, предполагают установление правового регулирования, адекватного ожиданиям собственников (пользователей) помещений в многоквартирном доме и стимулирующего их к установке (замене) и обеспечению сохранности индивидуальных приборов учета тепловой энергии, эффективному потреблению тепловой энергии и одновременно выполняющего функцию првенции противоправного поведения.

Верховный суд РФ также часто оперирует понятием «правовая определенность», вкладывая в значение и наполняя содержанием, которое представлено в постановлениях ЕСПЧ и КС РФ. В частности, удовлетворяя кассационную жалобу, отменяя состоявшееся по делу постановления нижестоящих судов и принимая новое решение, Верховный суд РФ в Определении от 20.07.2012 № 16-В12-10 со ссылкой на ЕСПЧ указал, что процедура отмены незаконных судебных постановлений сама по себе не противоречит принципу правовой определенности в той мере, в какой она используется для исправления судебных ошибок.

Оценивая место категории «правовая определенность» в понятийно-категориальном аппарате гражданского процессуального права, можно заключить:

- 1) конструкция «правовая определенность» является относительно новой категорией и введена в активный терминологический оборот России после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и вынесения в отношении России многочисленных постановлений Европейского суда по правам человека;
- 2) конструкция «правовая определенность» не имеет нормативного закрепления ни в нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ни в национальном законодательстве России. Ее понятие содержательно раскрывается в судебной практике;
- 3) категория «правовая определенность» относится ко второй группе: ненормативной (судебной) форме закрепления, когда термин используется только в рамках судебной практики. Данное обстоятельство не исключает в перспективе законодательного закрепления термина и возможности перехода конструкции в первую (нормативную) группу;

- 4) содержательное наполнение категории «правовая определенность» происходит на уровне судебной практики (ЕСПЧ, КС РФ, ВС РФ). Оно разнообразно, не исчерпывается отдельными аспектами, постоянно варьируется, что некоторым образом усложняет процесс применения данного понятия.

Неизбежная трансформация понятийно-категориального аппарата гражданского процессуального права России, в том числе под влиянием такого надгосударственного фактора, как нормы Конвенции и постановления Европейского суда, обогащает юридическую терминологию в целом и способствует правовой унификации и интеграции правовых систем и сообществ.

Библиографический список

1. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
2. Масаладжиу Р. М. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7.
3. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве : монография. М., 2009. 296 с.
4. Пальцев Ю. Е. Наличие значительного ущерба как новый критерий приемлемости жалобы для Европейского суда по правам человека // Юрист. 2011. № 4.
5. Соловьева Т. В. Постановления Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации : монография / под ред. О. В. Исаенковой. М., 2011. 337 с.
6. Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7.